
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ББК 60.59

Н. К. Радина, Н. В. Ким, А. В. Поршнев

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРИРОВАННОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ (Сравнительный анализ 2002—2014 гг.)

Исследование является частью научного проекта «Региональная идентичность в условиях социально-экономических изменений (На примере Нижегородской области 2002—2014 гг.)». Оно раскрывает гендерные аспекты субъективного взгляда респондентов на проблемы городского развития и характеризует социально-психологический потенциал изучаемой территории. Авторы утверждают, что, представляя позиции большинства, мужчины и женщины формулируют наиболее гендерно-стереотипные установки в области развития города, а при артикуляции индивидуальных

© Радина Н. К., Ким Н. В., Поршнев А. В., 2016

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-03-00617.

Радина Надежда Константиновна — доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия, nradina@hse.ru (Dr. Sc., Cand. Sc., Professor at the Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication, Nizhniy Novgorod Branch of National Research University “Higher School of Economics”, Nizhniy Novgorod, Russia).

Ким Наталья Викторовна — преподаватель кафедры маркетинга, Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия, natalia.kim1987@mail.ru (lecturer at the Department of Marketing, Nizhniy Novgorod Branch of National Research University “Higher School of Economics”, Nizhniy Novgorod, Russia).

Поршнев Александр Валерьевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры общего и стратегического менеджмента, Нижегородский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия, aporshnev@hse.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of General and Strategic Management, Nizhniy Novgorod Branch of National Research University “Higher School of Economics”, Nizhniy Novgorod, Russia).

приоритетов ориентируются на эгалитарный нестереотипный выбор. Отмечается, что экологическая доминанта в области ценностей и приоритетов городского развития как у мужчин, так и у женщин объединяет их ментальные концепты и реальные действия в ценностно-смысловом пространстве.

Ключевые слова: гендер, солидарность, альтруизм, городское развитие, социальная интеграция, провинция.

N. K. Radina, N. V. Kim, A. V. Porshnev. Gender aspects of provincial city-dwellers' integration in the context of territory development (Comparative analysis of the period between 2002—2014)

The study presented in the article is a part of the research project “Regional identity in terms of socio-economic changes (On the example of Nizhniy Novgorod region, 2002—2014 years)”. It reveals gender aspects of participants' subjective opinions towards problems of urban development and characterizes social and psychological potential of the studied area. The study involved provincial cities residents — citizens of regional center and small towns of the Nizhniy Novgorod region. The first stage was based on a sample of 516 people (49 % women, 51 % men, 2002), the second stage — on a sample of 366 people (63 % women, 37 % men, 2014). Participants formulated their own vision of the majority opinion on the prospects of the city, expressed their individual views on urban development programs, stated areas where they were willing to show personal participation, which allowed to determine the changes in the indices of ego-activity, altruism and solidarity of citizens in the past 12 years. Based on the results of the study the article states that, presenting the position of the majority, men and women articulate gender stereotyped attitudes about city development. However, while formulating individual urban development priorities citizens are focused on egalitarian non-stereotypical choices. An analysis of attitudes towards the activity in the field of urban development shows that women are focused on humanitarian priorities, and they believe that society is becoming more focused on “male values”. Over the 12 years the women under study, while maintaining the overall activity, have become more independent, without solidarity and are not ready for altruistic behavior. Men — residents of provincial towns — consistently include safety into public priorities and adopt conservative positions in the area of “male activities” and tend to share the practice of “failed masculinity”. For 12 years, men have become less solidary and altruistic. We can conclude that the ecological dominance in the values and priorities of urban development among both men and women unites their mental concepts and real actions.

Key words: gender, solidarity, altruism, city development, social integration, province, environmental awareness.

Введение

Гендерные исследования города — одно из активно развивающихся направлений в русле «urban studies» [Кодина, 2009; Константинова, 2009; Полошкевич 2010; Рябова и др., 2013; Цалко, Рябова, 2010; Михайлина, 2003], а изучение гендерных аспектов социального развития «региональных территорий», провинциальных городов в России представляет особый интерес.

В социальных исследованиях территории в социально-экономической географии, социологии, политологии полюс, терминологически маркирующий дихотомическую противоположность центру, достаточно тщательно проработан [Жизнь провинции, 2011; Каганский, 1998; Дзякович, 2010; Юдин, 2006; Комова, 2014; Грицай и др., 1991; Панасюк, Руденко, 2005]. «Не центр» — это и окраина, и провинция, и периферия, и в целом регионы. Одна из основных концепций в данном ключе — модель Дж. Фридмана описывает центр (емкий, но технологически и социально передовой) и периферию (огромную, слабо развитую территорию с замедленной модернизацией), которая потребляет инновации, порождаемые центром, в обмен на ресурсы [Friedmann, 1966a, 1966b; Friedmann, Alonso, 1964].

Российская провинция, или периферия, как научный объект достаточно часто оказывается в центре внимания экономистов, географов, демографов [Нефёдова, 2008; Трейвиш, 2001; Мкртчян, Карачурина, 2013а, 2013б; Дзякович, 2010; Шевцова, Тугаров, 2015]. Подчеркивается, что ее особенностями являются редкая заселенность, поляризация пространства, невозможность контроля за всей территорией, отставание в развитии инфраструктуры и сервисного сектора за пределами крупных городов [Нефёдова, 2008], низкая горизонтальная связанность периферийных регионов, низкая миграционная мобильность, при этом региональные промышленные города служат центрами притяжения для сельского населения [Мкртчян, Карачурина, 2013а, 2013б; Пядухов, 2013].

Провинциальный город в научном дискурсе характеризуется посредством зависимости (как зависимый от узкого круга промышленных предприятий, несамостоятельный в политических инициативах, жертвующий бюджетом культуры и ориентированный на демодернизацию образа жизни), а также как «благодатная почва для культуры самодостаточности», которая способна «молчаливо оппонировать государству» [Вагин, 1997].

Способность к противостоянию провинциального города государству описывается и в других исследованиях. Ю. М. Плюснин отмечает, что провинциальный город характеризует высокая солидарность, которая может быть условием успешного развития местного самоуправления и нечувствительности к гражданским инициативам государства [Плюснин, 2013].

Однако «молчаливое оппонирование» не всегда позитивно оценивается исследователями: так, отказ от переезда в столичные города со стороны жителей провинциальных депрессивных городов, их «провинциальная укорененность», рядом исследователей может быть прочитана как пассивность, застойность, культурная неадекватность и даже «социальная дефективность» [Мезенцева, Косларская, 1998].

На уровне обыденного мышления россияне, согласно опросу 2006 г., термин «провинция» понимают многозначно [Шмерлина, 2007]:

— в территориальной оппозиции «провинция — центр» (при этом 7 % россиян называют провинцией все, кроме Москвы, а 15 % считают, что провинция находится вдали от крупных городов);

— как неурбанизированную территорию (не-город — 24 %, пригороды — 5 %, глубинка — 2 %);

— в контексте низкой ресурсности (оторванность от культуры — 4 %, низкий уровень жизни — 5 % и т. д.);

— в контексте определений остенсивных (Урюпинск и т. п. — 5 %, «где я живу» — 7 % и т. п.) или романтических («где жизнь спокойнее» — 2 % и т. п.);
— на основе формальных подходов («малый город» — 9 %).

При определении провинции проблематизируются преимущественно политическая и экономические составляющие (зависимость, контроль, ресурсы), в то время как обыденное мышление связывает провинциальность с амбивалентной «домодернизированной» неурбанизированностью. К позитивному полюсу неурбанизированности относят «спокойную жизнь» и «хорошую экологию» провинциальных городов (как правило, малых), несмотря на то что исследователи считают провинциальные города весьма разнородными, противопоставляя, к примеру, малые исторические и малые индустриальные города, копирующие столичный образ жизни [Ляхова, 2006]. Очевидность существования проэкологической доминанты у провинциальных горожан поддерживают социально-психологические исследования, доказывающие, что «природная доминанта» взрослых строится на их детском опыте (дети, постоянно проводящие время на природе, что более доступно жителям менее урбанизированных регионов, в зрелом возрасте сохраняют свои предпочтения) [Cheng, Monroe, 2012; Wells, Lekies, 2006; Thompson et al., 2008]. Такие личностные особенности, как открытость, законопослушность, добросовестность и эмоциональная лабильность — стереотипные характеристики провинциальных жителей, по данным психологов, положительно связаны с озабоченностью экологическими вопросами [Swami et al., 2011].

Организация эмпирического исследования

Наше исследование является частью научного проекта «Региональная идентичность в условиях социально-экономических изменений (На примере Нижегородской области 2002—2014 гг.)», в рамках которого изучалась динамика показателей символического, социально-психологического и политического уровней (измерений) территориальной идентичности. В статье представлены некоторые результаты, полученные благодаря использованию анкеты «Приоритеты регионального развития».

Анкета, состоящая из 25 утверждений, описывающих возможные направления развития территории, имела нестандартную форму, а именно: ответы на вопросы давались в трех модальностях («важно для меня», «важно для большинства жителей» и «готов принять участие»). Кроме того, не было ограничений по числу выборов для каждой модальности (можно было пометить как значимые все 25 направлений, несколько или всего одно). Благодаря этому оказалось возможно не только получить информацию о доминирующих приоритетах развития территории, но также проанализировать согласованность позиций «важно для меня» — «важно для большинства жителей» (что, как известно, является показателем солидарности со своим сообществом) [Molm et al., 2007], «важно для меня» — «готов принять участие» (что характеризует установки на реализацию индивидуальных ценностей), «важно для большинства жителей» — «готов принять участие» (что характеризует альтруистические установки выборки) [Worchel et al., 1999]. В качестве показателя, проявляющего согласованность математически, использовался коэффициент взаимной сопряженности Пирсона.

Итак, участники исследования заполняли данную анкету трижды: во-первых, отмечали направления, которые, как им кажется, значимы для развития населенного пункта с точки зрения всех жителей территории; во-вторых, направления, которые представляются значимыми только им лично; в-третьих, направления, которые кажутся привлекательными для активного персонального участия. На основе заполненных анкет были определены приоритеты в развитии территории, а также коэффициенты:

— солидарности (мера сопряженности общих и индивидуальных предпочтений в приоритетах развития города; соотношение выборов «важно для большинства жителей» — «важно для меня»);

— активности (соотношение выборов «важно для меня» — «готов принять участие»);

— альтруизма (мера сопряженности установок реализовывать то, что горожанин считает значимым для других; соотношение выборов «важно для большинства жителей» — «готов принять участие»).

Исследование проходило в 2 этапа. Первый этап (2002 г.) базировался на выборке 516 человек (женщин — 49 %, мужчин — 51 %). Второй этап (2014 г.) базировался на выборке 366 человек (женщин — 63 %, мужчин — 37 %). Выборка формировалась случайным образом по территориальному принципу и зависела от готовности опрашиваемых безвозмездно предоставлять данные, характеризующие собственную позицию в отношении региона. И в 2002 г., и в 2014 г. исследование включало жителей как областного центра (мегаполис Нижний Новгород), так и 16 городов Нижегородской области (Арзамас, Балахна, Бор и др.). Таким образом, контекст изучаемой территории города обусловил соотнесение данного проекта с теоретическим полем «городские исследования».

Понимание горожанами общих приоритетов городского развития

Как правило, изучая ценности или предпочтения, в социологии и социальной психологии используют ранжирование или другие техники, принуждающие респондентов к определенным ограничениям в выборе. Поскольку избранная в исследовании техника сбора данных предполагала установление согласованности между шкалами для понимания отношений солидарности, альтруизма и эго-активности горожан, при заполнении бланка респонденты не имели ограничений. В результате позиция, характеризующая в бланке мнение большинства, получила максимальное число пометок, позиция с данными об индивидуальных предпочтениях — значительно меньше, а позиция с отметками об активности респондентов — наименьшее число выборов. Обработка всех бланков за 2002 и 2014 гг. показывает изменения в суждениях респондентов относительно приоритетов развития территории «для большинства», непосредственно для респондента, а также показатели готовности принимать участие в программах развития города, т. е. изменения, затрагивающие и смещение акцентов в приоритетах, и частотность упоминания тех или иных позиций.

При заполнении той части анкеты, которая, с точки зрения респондентов, характеризовала мнение большинства горожан, были получены наиболее значительные различия между группами мужчин и женщин (табл. 1).

Таблица 1

Общие приоритеты горожан в развитии региона и города, %

Приоритеты развития города	Ж		М	
	2002 г.	2014 г.	2002 г.	2014 г.
Нижегородская ярмарка	82	94 ^{***}	79	90 ^{**}
Инициативы культуры	87	90	81	89
Сохранение природы	89	87	83	86
Сохранение истории	83	87	79	81
Госзаказы оборонной промышленности	68	83 ^{***}	77	82
Поддержка предприятий	87	90	91	86
Экология города	90	87	84	82
Объединение Поволжья	68	80 ^{**}	66	87 ^{***}
Международное сотрудничество	76	92 ^{***}	78	88 [*]
Дети и молодежь	86	82	79	83
Страховая медицина	92	88	87	86
Сохранение веры и храмов	64	82 ^{***}	62	81 ^{***}
Борьба с преступностью	88	84	90	90
Дороги и связь	83	89	83	82
Развитие торговли	66	84 ^{***}	70	81 [*]
Развитие сельского хозяйства	89	87	90	84
Социальное обеспечение	86	88	85	86
Бесплатное образование	90	90	88	86
Власть без криминала	87	88	88	87
Борьба с коррупцией	86	91	92	89
Жилищные программы	85	89	85	84
Ответственность чиновников	77	87 ^{**}	81	87
Развитие бизнеса	72	87 ^{***}	74	87 ^{**}
Свобода СМИ	73	84 ^{**}	70	86 ^{***}
Подготовка кадров для столицы	68	87 ^{***}	62	87 ^{***}

Значимость различий (критерий χ^2) между срезами 2002 и 2014 гг.: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

При характеристике общих приоритетов горожанки в 2002 г. за наиболее значимые для города выдавали ценности традиционной «женской культуры»: доступную медицину (92 %), образование (90 %), сохранение экологии (90 %), т. е. не выходили за рамки приоритетов своей социальной группы. Среди наименее значимых для города, с точки зрения горожанок, оказались преимущественно «мужские приоритеты»: поддержка оборонной промышленности (68 %), отток кадров в столицу (68 %), торговля (66 %), а также сохранение веры и храмов

(64 %). В 2014 г. горожанкам показались приоритетными развитие Нижегородской ярмарки (94 %), международное сотрудничество (92 %) и борьба с коррупцией (91 %); менее приоритетными — интеграция Поволжья (80 %), детские и молодежные программы (82 %), сохранение веры и храмов (82 %) (так называемые символические приоритеты).

Мужчины-горожане в 2002 г. полагали, что город заинтересован в борьбе с преступностью (90 %) и коррупцией (92 %), в поддержке промышленных предприятий (91 %). Меньшая заинтересованность со стороны горожан, с точки зрения мужчин, возможна в области оттока кадров в столицу (62 %), торговли (70 %), интеграции Поволжья (66 %). В 2014 г. к наиболее значимым областям мужчины отнесли развитие Нижегородской ярмарки (90 %) и борьбу с преступностью (90 %), к наименее значимым — торговлю (81 %), сохранение истории (81 %), веры и храмов (81 %).

Прошедшие 12 лет социально-экономических изменений «женский взгляд» на развитие города переориентировали с гуманитарных приоритетов (образование, здравоохранение, экология) на символические, не изменив при этом принципиально «мужской взгляд». По мнению мужчин, провинциальный город не готов к оттоку кадров в центр, пренебрегает развитием торговли, религиозными традициями и историей, т. е. вполне вписывается в исследовательский дискурс обличения провинциальной пассивности [Мезенцева, Косларская, 1998].

Индивидуальные приоритеты городского развития

Поскольку заполнение анкеты «Приоритеты городского развития» не предполагало ограничений по числу выборов, результаты показали, насколько существенно сужался круг приоритетов городского развития, когда речь заходила об индивидуальном интересе респондентов (табл. 2).

Горожанки за 12 лет практически не изменяют свои индивидуальные приоритеты (и в 2002 г., и в 2014 г. наиболее значимыми оказываются медицина и образование). Наименее значимой в 2002 г. была торговля (22 %), а в 2014 г. — «оборонка» (21 %) и объединение Поволжья (18 %). Мужчины-горожане в 2002 г. среди своих персональных приоритетов чаще всего называли экологию (66 %), медицину (70 %) и борьбу с преступностью (64 %), а в 2014 г. — медицину (61 %) и развитие программ жилищного строительства (60 %). К наименее значимым в 2002 г. были отнесены подготовка кадров для столицы (28 %) и объединение Поволжья (28 %), в 2014 г. — объединение Поволжья (24 %) и торговля (26 %). В индивидуальных приоритетах городского развития у мужчин и женщин достаточно много общего, что объясняется преимущественно разделенной повседневностью их совместной городской жизни.

Индивидуальный выбор в пользу значимости сохранения природы и экологических ценностей в контексте развития города и у мужчин, и у женщин оказался достаточно выраженным, однако лидирующую позицию экология заняла у мужчин только в 2002 г. Как правило, в исследованиях подчеркивается, что женщины чаще обладают проэкологическими ценностями, нежели мужчины [Scannell, Gifford, 2013; Dietz et al., 2002], однако не всегда их артикулируют в публичном пространстве, отдавая предпочтение сохранению своей территории [Xiao, Hong, 2010]. Результаты в целом подтверждают большую проэкологическую

направленность женщин, однако в композиции ценностей женщин экология и природа уступают по значимости образованию и здравоохранению.

Таблица 2

Индивидуальные приоритеты горожан в развитии региона и города, %

Приоритеты развития города	Ж		М	
	2002 г.	2014 г.	2002 г.	2014 г.
Нижегородская ярмарка	26	26	31	20*
Инициативы культуры	40	37	43	36
Сохранение природы	63	67	61	55
Сохранение истории	54	56	45	38
Госзаказы оборонной промышленности	26	21	38	36
Поддержка предприятий	41	44	44	34
Экология города	72	70	66	59
Объединение Поволжья	26	18*	26	24
Международное сотрудничество	34	29	35	30
Дети и молодежь	57	58	56	45
Страховая медицина	83	81	70	61
Сохранение веры и храмов	47	42	35	42
Борьба с преступностью	63	50**	64	40***
Дороги и связь	55	61	63	60
Развитие торговли	22	21	31	26
Развитие сельского хозяйства	58	51	58	41**
Социальное обеспечение	65	53**	53	44
Бесплатное образование	72	70	61	59
Власть без криминала	55	45*	52	42
Борьба с коррупцией	45	42	54	44
Жилищные программы	58	66	56	60
Ответственность чиновников	41	37	44	36
Развитие бизнеса	34	32	41	38
Свобода СМИ	35	40	42	36
Подготовка кадров для столицы	28	33	28	28

Значимость различий (критерий χ^2) между срезами 2002 и 2014 гг.: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

Установки горожан на активность в области городского развития

Третья модальность в измерении приоритетов городского развития, учтенная используемым исследовательским инструментом, — готовность действовать на благо развития города (табл. 3).

Таблица 3

Установки горожан на активность в целях развития региона и города, %

Приоритеты развития города	Ж		М	
	2002 г.	2014 г.	2002 г.	2014 г.
Нижегородская ярмарка	9	12	12	12
Инициативы культуры	12	14	20	19
Сохранение природы	31	40*	35	38
Сохранение истории	18	23	13	17
Госзаказы оборонной промышленности	4	7	16	18
Поддержка предприятий	9	10	21	16
Экология города	40	43	34	40
Объединение Поволжья	08	10	13	14
Международное сотрудничество	09	12	15	11
Дети и молодежь	33	33	28	25
Страховая медицина	15	27**	22	27
Сохранение веры и храмов	21	22	14	20
Борьба с преступностью	13	14	24	21
Дороги и связь	05	9	16	21
Развитие торговли	05	6	11	11
Развитие сельского хозяйства	15	21	25	23
Социальное обеспечение	16	19	20	17
Бесплатное образование	16	26**	18	19
Власть без криминала	7	11	16	16
Борьба с коррупцией	7	17***	20	27
Жилищные программы	9	14	20	18
Ответственность чиновников	10	9	15	11
Развитие бизнеса	8	13	19	19
Свобода СМИ	5	10*	11	13
Подготовка кадров для столицы	7	12	10	12

Значимость различий (критерий χ^2) между срезами 2002 и 2014 гг.: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$.

Горожанки и в 2002 г., и в 2014 г. выражали желание присоединиться к программам по сохранению природы (31 и 49 %), экологии (40 и 43 %), в 2002 г. — к детским и молодежным программам (33 %). Непривлекательным для участия горожанки сочли развитие торговли (5 и 6 %), оборонной промышленности (4 и 7 %), а также программы развития коммуникаций (5 % в 2002 г.) и свободы слова и СМИ (5 % в 2002 г.). Можно предположить, что в качестве планируемой активности горожанки рассматривают реальную часть своей жизни, связанную с помощью детям и заботой о придворовых территориях.

Горожане-мужчины, так же как и горожанки, и в 2002 г., и в 2014 г. планировали принять участие в экологических и природоохранных программах. Проигнорировали развитие торговли, свободу СМИ и подготовку кадров для столицы в 2002 г. и программы развития международного сотрудничества и контроль за ответственностью чиновников перед жителями в 2014 г.

Необходимо отметить, что среди непривлекательных мужчины-горожане называют те формы активности, которые стереотипно считаются «мужскими», т. е. связанные с ориентацией на мобильность и амбиции. Дистантное отношение к практикам доминантных и успешных мужчин со стороны участвующих в исследовании мужчин-респондентов согласуется с описанием кризиса мужской гендерной роли [Тартаковская, 2003], которую достаточно часто описывают в контексте «несостоявшейся маскулинности», в том числе и на материале провинциальных площадок.

Динамика показателей социальной интегрированности горожан

Кроме анализа приоритетов городского развития в трех модальностях (значимость для города, для конкретного горожанина и как сфера приложения сил), благодаря корреляционному анализу исследуемых показателей была получена возможность изучения солидарности, альтруизма и активности в городской среде (табл. 4).

Таблица 4

Социальные характеристики горожан

Коэффициенты	Ж		М	
	2002 г.	2014 г.	2002 г.	2014 г.
Солидарность	0,18	-0,05	0,14	-0,15
Активность	0,22	0,23	0,27	0,23
Альтруизм	0,07	-0,01	0,07	-0,06

За указанный период показатели горожан, характеризующие активность, направленную на выполнение своих замыслов и планов в сфере городского развития, в целом несколько снизились. При этом женщины преимущественно сохранили интенсивность установок на активное действие (коэффициенты активности — 0,22 в 2002 г. и 0,23 в 2014 г.), а мужчины ее снизили (0,27 в 2002 г. и 0,23 в 2014 г.). Если анализировать показатели солидарности

(характеризующие, насколько каждый горожанин чувствует себя близким к другим горожанам, разделяющим общие проблемы и заботы), следует констатировать за изучаемые 12 лет нарастание отчуждения среди горожан, однако мужчины как социальная группа оказались в 2014 г. более несолидарными, нежели женщины. Что же касается альтруизма горожан (готовность бескорыстно выполнять действия на благо других), его показатели и в 2002 г., и в 2014 г. были низкими, тем не менее снижение альтруизма от 2002 к 2014 г. также более выражено у мужчин.

За изучаемый период установки на активность горожан в целом ослабли, горожане стали более индивидуалистичными и не готовыми жертвовать своими интересами ради гипотетических общих приоритетов в развитии города.

Выводы

Сравнение изучаемых показателей в анкетах горожанок и горожан, принимавших участие в исследовании в 2002 и в 2014 гг., подтвердило общеизвестные закономерности, выявляемые в процессе гендерного анализа:

— представляя позиции большинства, мужчины и женщины формулируют наиболее гендерно-стереотипные установки в области развития города, при этом женщины за 12 лет стали считать, что общество все более ориентируется на «мужские ценности», в то время как мужчины к общественным приоритетам стабильно относят показатели безопасности, а не развития;

— в формулировке индивидуальных позиций в оценке развития города горожане и горожанки ориентированы на эгалитарный нестереотипный выбор, обусловленный разделенной повседневностью мужчин и женщин в городе;

— в провинциальных городах мужчины придерживаются консервативных позиций в области «мужской активности», склонны разделять практики «несостоявшейся маскулинности», в то время как горожанки более инициативны и предпочитают активность в гуманитарной сфере (экологическая безопасность, образование и здравоохранение).

Что касается непосредственно показателей, характеризующих социальную интегрированность горожан, за исследуемый период и мужчины, и женщины, согласно полученным данным, изменили некоторые социальные практики. Женщины, при сохранении общей активности, стали более независимыми, несолидарными и не готовыми к альтруистическому поведению. Мужчины-горожане за 12 лет стали более апатичными, менее солидарными и менее альтруистичными. Если учесть, что горожане и горожанки считают, что большинство жителей в городе ориентированы на символические приоритеты, а отдельные люди заинтересованы в развитии гуманитарной составляющей города (образование, здравоохранение, экология), то выявленная несолидарность с большинством может быть прочитана как разрыв между приватным и публичным мирами города.

Также стоит отметить, что в ценностно-смысловом пространстве города есть нечто, что объединяет и мужчин, и женщин, и ментальные концепты, и реальные действия, — это экологическая доминанта сознания горожан. Можно предположить, что именно проэкологическая ориентация станет основой новых солидарностей и поможет связать частное и публичное в социальной активности горожан.

Библиографический список

- Вагин В. В.* Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. № 4. С. 53—88.
- Грицай О. В., Йоффе Г. А., Трейвиш А. И.* Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 161 с.
- Дзякович Е. В.* Подходы к исследованию провинции как социокультурного, ментального и кроссрегионального феномена // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-4-2010/sociologiya7dzyakovich.pdf> (дата обращения: 20.08.2015).
- Жизнь провинции: материалы и исследования: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции», 17—19 ноября 2011 г. / отв. ред. М. Г. Уртминцева. Нижний Новгород: Книги, 2011. 296 с.
- Каганский В. Л.* Центр — провинция — периферия — граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Москва; Смоленск: Изд-во Смоленского государственного университета, 1998. С. 72—101.
- Кодина И. Н.* Общественно-политическое участие населения малого города: гендерный аспект: (на примере малых городов Ивановской области) // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 20—28.
- Комова В. А.* Дихотомия «столица — провинция» в российском культурном пространстве // Молодой ученый. 2014. № 12. С. 449—451.
- Константинова В. Н.* Городское население Российской империи конца XIX века: гендерный аспект: (на примере Екатеринославской губернии) // Женщина в российском обществе. 2009. № 4. С. 83—93.
- Ляхова С. С.* Провинциальный город как социокультурный феномен: автореф. ... канд. социол. наук. Архангельск, 2006. 24 с.
- Мезенцева Б. Б., Косларская Н. П.* Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России. 1998. № 3. С. 141—188.
- Михайлина С. К.* Гендерные аспекты жизни провинциального города конца XIX — начала XX в.: по материалам Области войска Донского: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2003. 296 с.
- Мкртчян Н., Карачурина Л.* Региональные столицы и глубинка // Демоскоп Weekly. 2013а. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0575/tema06.php> (дата обращения: 05.05.2015).
- Мкртчян Н., Карачурина Л.* Помнить о центрах, но не забывать о периферии // Демоскоп Weekly. 2013б. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0575/tema01.php> (дата обращения: 05.05.2015).
- Нефёдова Т. Г.* Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008. № 5. С. 14—31.
- Панасюк М. В., Руденко А. В.* Теоретические основы анализа системы «центр — периферия» региона // Территориальные общественные системы: проблемы делимитации, развития, управления: материалы Международной научно-практической конференции, 21—24 сентября 2005 г. Пермь, 2005. С. 47—52.
- Плюснин Ю. М.* «Свой» и «чужие» в русском провинциальном городе // Мир России. 2013. № 3. С. 60—93.
- Полошкевич О. А.* Гендерная дифференциация представлений о социальной солидарности в современном российском городе // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 15—23.

- Пядухов Г. А. Рынок миграционных услуг в российской провинции: действующие лица, тенденции развития // Демоскоп Weekly. 2013. № 571—572. 14—31 октября. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit07.php> (дата обращения: 20.08.2015).
- Рябова Т. Б., Кодина И. Н., Буничева Л. В. «Город невест»? о роли гендерных маркеров в региональной идентичности // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 148—164. URL: http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/12/riabova_kodina_bunicheva.pdf (дата обращения: 20.08.2015).
- Тартаковская И. «Несостоявшаяся маскулинность» как тип поведения на рынке труда // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: сборник научных статей / под ред. Л. Н. Попковой, И. Н. Тартаковской. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 2003. С. 42—70.
- Трейвиш А. И. Город, село и региональное развитие // Город и деревня Европейской России: сто лет перемен М.: ОГИ, 2001. С. 337—373.
- Цалко Е. О., Рябова Т. Б. Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов: (по результатам социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 57—65.
- Шевцова Э. А., Тугаров А. Б. Метафизика провинциального бытия: методология проблемы // Актуальные вопросы современной науки: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции / под общ. ред. А. И. Вострецова. Нефтекамск: Наука и образование, 2015. С. 113—115.
- Шмерлина И. Что такое провинция? // Социальная реальность. 2007. № 3. С. 30—32.
- Юдин А. В. Концепты «провинция» и «регион» в современном русском языке // Отечественные записки. 2006. № 5 (32). URL: <http://www.strana-oz.ru/2006/5/koncepty-provinciia-i-region-v-sovremennom-russkom-yazyke> (дата обращения: 20.08.2015).
- Cheng J. C. H., Monroe M. C. Connection to nature: children's affective attitude toward nature // Environment and Behavior. 2012. № 44. P. 31—49.
- Dietz T., Kalof L., Stern P. C. Gender, values, and environmentalism // Social Science Quarterly. 2002. № 83. P. 353—364.
- Friedmann J. Regional Development Policy. Boston: Mass. Inst. Techn., 1966a. 317 p.
- Friedmann J. Regional Development Policy: a Case Study of Venezuela. Cambridge (MA): MIT Press, 1966b.
- Friedmann J., Alonso W. Regional development as a policy issue // Regional Development and Planning. Cambridge (MA): MIT Press, 1964.
- Molm L. D., Collet J. L., Schaefer D. R. Building solidarity through generalized exchange: a theory of reciprocity // American Journal of Sociology. 2007. Vol. 113. P. 205—242.
- Scannell L., Gifford R. The role of place attachment in receptivity to local and global climate change messages // Environmental Behavior. 2013. № 45. P. 60—85.
- Swami V., Chamorro-Premuzic T., Snelgar R., Furnham A. Personality, individual differences, and demographic antecedents of self-reported household waste management behaviours // Journal of Environmental Psychology. 2011. № 31. P. 21—26.
- Thompson C. W., Aspinall P., Montarzino A. The childhood factor: adult visits to green places and the significance of childhood experience // Environment and Behavior. 2008. № 40. P. 111—143.
- Wells N. M., Lekies K. S. Nature and the life course: pathways from childhood nature experiences to adult environmentalism // Child, Youth and Environment Journal. 2006. № 16. P. 1—24.
- Worchel S., Cooper I. Goethals G. Social Psychology. Chicago: Wadsworth Publishing, 1999. (Nelson-Hall Series in Psychology.)
- Xiao C., Hong D. Gender differences in environmental behaviors in China // Population and Environment. 2010. № 32. P. 88—104.

References

- Cheng, J. C. H., Monroe, M. C. (2012) Connection to nature: children's affective attitude toward nature, *Environment and Behavior*, no. 44, pp. 31—49.
- Dietz, T., Kalof, L., Stern, P. C. (2002) Gender, values, and environmentalism, *Social Science Quarterly*, no. 83, pp. 353—364.
- Dziakovich, E. V. (2010) Podkhody k issledovaniiu provintsii kak sotsiokul'turnogo, mental'nogo i krossregional'nogo fenomena [Approaches to research of province as socio-cultural, mental and cross-regional phenomenon], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 4, available from <http://www.teoria-practica.ru/-4-2010/sociologiya7dzyakovich.pdf> (accessed 20.08.2015).
- Friedmann, J. (1966a) *Regional Development Policy*, Boston: Mass. Inst. Techn.
- Friedmann, J. (1966b) *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*, Cambridge (MA): MIT Press.
- Friedmann, J., Alonso, W. (1964) Regional development as a policy issue, in: *Regional Development and Planning*, Cambridge (MA): MIT Press.
- Gritsaï, O. V., Ĭoffe, G. A., Treïvish, A. I. (1991) Tsentri i periferiia v regional'nom razvitiï [Center and periphery in regional development], Moscow: Nauka.
- Iudin, A. V. (2006) Kontsepty "provintsii" i "region" v sovremennom russkom iazyke [Concepts of "province" and "region" in modern Russian language], *Otechestvennye zapiski*, no. 5 (32), available from <http://www.strana-oz.ru/2006/5/kontsepty-provinciya-i-region-v-sovremennom-russkom-yazyke> (accessed 20.08.2015).
- Kaganskiï, V. L. (1998) Tsentri — provintsii — periferiia — granitsa. Osnovnye zony kul'turnogo landshafta [Center — province — periphery — border. Main zones of cultural landscape], in: *Kul'turnyi landshaft: Voprosy teorii i metodologii issledovaniia* [Cultural landscape: Theory and research methodology questions], Moscow, Smolensk: Izdatel'stvo Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 72—101.
- Kodina, I. N. (2009) Obshchestvenno-politicheskoe uchastie naseleniia malogo goroda: gendernyi aspekt: (Na primere malikh gorodov Ivanovskoi oblasti) [Socio-political participation of small city residents: gender aspect: (On the example of small cities in Ivanovo region)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 20—28.
- Komova, V. A. (2014) Dikhotomiia «stolitsa — provintsii» v rossiiskom kul'turnom prostanstve [Dichotomy "capital — province" in Russian cultural space], *Molodoï uchenyiï*, no. 12, pp. 449—451.
- Konstantinova, V. N. (2009) Gorodskoe naselenie Rossyskoi imperii kontsa XIX veka: gendernyi aspekt: (Na primere Ekaterinoslavskoi gubernii) [City population of Russian Empire at the end of XIX century: gender aspect: (On the example of Ekaterinoslav' region)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 83—93.
- Mezentseva, B. B., Koslarskaya, N. P. (1998) Beg po zamknutomu krugu: uroven' zhizni, mental'nye ustanovki i sotsial'naia mobil'nost' zhitelei Rossii [Running in a circle: standards of living, attitudes and social mobility of Russians], *Mir Rossii*, no. 3, pp. 141—188.
- Mkrtchian, N., Karachurina, L. (2013a) Regional'nye stolitsy i glubinka [Regional capitals and periphery], *Demoskop Weekly*, available from <http://demoscope.ru/weekly/2013/0575/tema06.php> (accessed 05.05.2015).
- Mkrtchian, N., Karachurina, L. (2013b) Pomnit' o tsentrakh, no ne zabyvat' o periferii [Remember about the centers but don't forget about periphery], *Demoskop Weekly*, available from <http://demoscope.ru/weekly/2013/0575/tema01.php> (accessed 05.05.2015).

- Molm, L. D., Collet, J. L., Schaefer, D. R. (2007) Building solidarity through generalized exchange: a theory of reciprocity, *American Journal of Sociology*, vol. 113, pp. 205—242.
- Nefiodova, T. G. (2008) Rossiiskaia periferiia kak sotsial'no-ekonomicheskii fenomen [Russian periphery as a socio-economic phenomenon], *Regional'nye issledovaniia*, no. 5, pp. 14—31.
- Panasiuk, M. V., Rudenko, A. V. (2005) Teoreticheskie osnovy analiza sistemy «tsentr — periferiia» regiona [Theoretical basis of system analysis “center-periphery” of the region], *Territorial'nye obshchestvennye sistemy: problemy delimitatsii, razvitiia, upravleniia: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 21—24 Sentiabria, 2005, Perm', pp. 47—52.
- Pliusnin, Iu. M. (2013) “Svoi” i “chuzhie” v russkom provintsial'nom gorode [“Ours” and “aliens” in Russian provincial city], *Mir Rossii*, no. 3, pp. 60—93.
- Polyushkevich, O. A. (2010) Gendernaia differentsiatsiia predstavlenii o sotsial'noi solidarnosti v sovremennom rossiiskom gorode [Gender differentiation of social solidarity and modern Russian city perception], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 15—23.
- Piadukhov, G. A. (2013) Rynok migratsionnykh uslug v rossiiskoi provintsii: deistvuiushchie litsa, tendentsii razvitiia, *Demoskop Weekly*, no. 571—572, available from <http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit07.php> (accessed 20.08.2015).
- Riabova, T. B., Kodina, I. N., Bunicheva, L. V. (2013) «Gorod nevest»? o roli gendernykh markerov v regional'noi identichnosti [“City of brides”? about the role of gender markers in regional identity], *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniĭ*, no. 5, pp. 148—164, available from http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/12/riabova_kodina_bunicheva.pdf (accessed 20.08.2015).
- Scannell, L., Gifford, R. (2013) The role of place attachment in receptivity to local and global climate change messages, *Environmental Behavior*, no. 45, pp. 60—85.
- Shevtsova, E. A., Tugarov, A. B. (2015) Metafizika provintsial'nogo bytiia: metodologiia problemy [Metaphysics of provincial being: methodology of problems], in: Vostretsov, A. I. (ed.), *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki*, Neftekamsk: Nauka i obrazovanie, pp. 113—115.
- Shmerlina, I. (2007) Chto takoe provintsii? [What is a province?], *Sotsial'naiia real'nost'*, no. 3, pp. 30—32.
- Swami, V., Chamorro-Premuzic, T., Snelgar, R., Furnham, A. (2011) Personality, individual differences, and demographic antecedents of self-reported household waste management behaviors, *Journal of Environmental Psychology*, no. 31, pp. 21—26.
- Tartakovskaia, I. (2003) «Nesostoiavshaiasia maskulinnost'» kak tip povedeniia na rynke truda [“Undone masculinity” as a labor market behavior type], Popkova, L. N., Tartakovskaia, I. N. (eds), *Gendernye otnosheniia v sovremennoi Rossii: issledovaniia 1990-kh godov*, Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 42—70.
- Thompson, C. W., Aspinall, P., Montarzino, A. (2008) The childhood factor: adult visits to green places and the significance of childhood experience, *Environment and Behavior*, no. 40, pp. 111—143.
- Treivish, A. I. (2001) Gorod, selo i regional'noe razvitie [City, village and regional development], in: *Gorod i derevnya Evropeiskoi Rossii: sto let peremen*, Moscow: OGI, pp. 337—373.
- Tsalko, E. O., Riabova, T. B. (2010) Russkost' i evropeiskost' skvoz' prizmu gendernykh identifikatorov: (Po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Russianness and Europeaness through the prism of gender identifiers: (The results of sociological research)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 57—65.

-
- Vagin, V. V. (1997) Russkiĭ provintsialnyiĭ gorod: kliuchevye elementy zhizneustroĭstva [Russian provincial city: main elements of life], *Mir Rossii*, no. 4, pp. 53—88.
- Wells, N. M., Lekies, K. S. (2006) Nature and the life course: pathways from childhood nature experiences to adult environmentalism, *Child, Youth and Environment Journal*, no. 16, pp. 1—24.
- Worchel, S., Cooper, J., Goethals, G. (1999) *Social Psychology* (Nelson-Hall Series in Psychology), Chicago: Wadsworth Publishing.
- Xiao, C., Hong, D. (2010) Gender differences in environmental behaviors in China, *Population and Environment*, no. 32, pp. 88—104.
- Urtmintseva, M. G. (ed.) (2011) *Zhizn' provintsii: Materialy i issledovaniia. Sbornik stateĭ po materialam Vserossiĭskoiĭ nauchnoiĭ konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Life of province: Materials and research. Book of abstracts of Russian scientific conference with international participation], Nizhniĭ Novgorod: Knigi.

Статья поступила 20.08.2015 г.